

Лапин Борис Матвеевич

Новый Хафиз

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Б82

Б82 **Борис Матвеевич Л.**
Новый Хафиз / Лапин Борис Матвеевич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 52 с.

ISBN 978-5-519-92458-0

ISBN 978-5-519-92458-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Разговаривая с одним ученым афганцем о кабульских кустарях, мы указали, что анилиновые краски для ковровых мастерских, в свое время запрещенные правительством, все равно проникают на базары, как бы ни была внимательна таможенная стража. Афганец согласился:

— Действительно, натуральные краски—дорогая вещь. Хафиз Ширази теперь сказал бы об этом так: «Огнедышащий восход химических красок затмил цветение мака, усмы и кошенили».

Известный тегеранский журналист Б. в своем недавнем «Йаддаште» (фельетоне) цитирует Хафиза следующим образом:

— ...благоустройство нашей столицы можно обрисовать его высокими словами: «О, не зови меня в свою столицу,—там станет тощим и умрет Хафиз»...

Диапазон популярности Хафиза огромен.

На базарах Афганистана, Персии и мусульманской Индии разносчики кричат: «Куллияти, Мауляна, Ходжа-

Шамсэддин». «А вот полный Мауляна-Ходжа-Шамсэддин!»

Ходжа Шамсэддин—так звали Хафиза.

В белуджском интернате в Мерве (Туркменская ССР) мы были свидетелями того, как ученики хором пели революционную белуджскую песню на мотив известной хафизовской газели: «От плача мой зрачок напитался кровью,—наш народ в Афганистане умывается кровью, ханы грабят его»...

Таджики-аробщики на пути между Сталинабадом и Янги-Базаром в 1932 году, услышав, как мы читали стихи Хафиза из хрестоматии М. А. Гаффарова, изданной в Москве, ночью украли эту книгу из нашего вещевого мешка и скрылись.

Какой поэт не позавидует этой живучей славе шirazского поэта, похороненного 544 года назад!

Сборники его стихов—печатные, литографированные и рукописные—составляются обычно из шестисот стихотворений, отобранных комментаторами-суфиями несколько сот лет назад. Это так называемая «Сахарная река Хафиза». На самом деле в обращении находится гораздо большее число газелей, приписываемых ему. В народных списках попадают стихи, связанные с именем Хафиза и отвергнутые судом мусульманских улемов. Есть среди них варианты классических газелей, приспособленные к роду занятий певца, исполняющего их. Так возник Хафиз придворных риторов, Хафиз исламских мистиков. Наперекор ему из-под спуда веков вынырнул мужицкий и ремесленный Хафиз.

В народе среди поклонников Хафиза распространены «газели Старика», затрагивающие современные дела. Можно подумать, что Хафиз продолжает жить после смерти и дописывает новые стихи, поучая дальних потомков.

— Хафиз сказал бы об этом так...

— Осмелюсь заметить, он сказал бы так...

Подобные разговоры вы можете услышать в сгранах, понимающих персидский язык.

Мы не историки литературы, не знатоки старинных рукописей, но при чтении персидских текстов иногда нам кажется, что этот новый Хафиз, которого мы слушали на свадьбах, попойках, праздниках и похоронах—в Персии и в Таджикистане, ближе к подлинному Хафизу, чем книжный классик, богословский «сахароуст», причесанный переписчиками шести столетий.

Персидские исследователи думают, что «Диван» Хафиза—это собрание мистических иносказаний, где ни одно слово не должно быть понято буквально, где слово «девка» обозначает «божество», «постель»—небо, а «вино»—растворение в совершенном.

Среди западно-европейских иранистов распространено мнение, что всякая попытка сделать из анакреонтической лирики Хафиза какие-нибудь историко-политические выводы о создавшей ее эпохе заранее обречена на неудачу. «Роза»—есть роза, и «дружок»—есть дружок...

Так ли это?

Нет, это не так. Стихи Хафиза—лирический путеводитель по Персии, современной ему.

Огромная подавленная Персия—как большой монастырь, где монахи думают о разврате и о вине. Невольничье хозяйство. Беглые рабы. Ширазские князьки Инджуиды, отправляющие дань монголам. Слухи об империи Тамерлана. Попойки. Торжественная ода виноградному соку и дом, где продаются мальчики. Вот о чем мы читаем в стихах ширазца.

Мы предлагаем здесь перевод двадцати стихотворений из классического, из народного и «современного» Хафиза

ПРОСЬБА

На толчке стучал разносчик о мангал¹:
«Не забывай!»

Дай мне счастья и богатства,
Обо мне не забывай!
Обо мне и о жене и об осле—
Не забывай!»

И ему в ответ горшечник закричал:
«Не забывай!»

И базарный скорописец, разложив
Письмовники,
Важно вышел, поклонился и сказал:
«Не забывай!»

И цырульник, звякнув бритвой, отвечал:
«Не забывай!»

¹ Мангал—жаровня.

И верблюды, и кобылы, и волы,

И лошаки—

Все кричало на базаре:

«Обо мне не забывай!»

И усатые крестьяне,

Стягивая кушаки,

Закричали: «Мы, как вдовы,—

И о нас не забывай!»

Я их выслушал, и сердце стало узким,

И в ответ

Я сказал: «Хафиз, ты помнишь?

Эй, Хафиз, не забывай!»

«П р о с ь б а». Вот образец ремесленного Хафиза. Вы не найдете его в сборниках «Дивана». Но мы слышали его в рыночных цехах торговых городов Персии. Еще недавно его читали как заповку на цеховых праздниках. Здесь Хафиз изображен принимающим мольбы базарной бедноты о хлебе и о счастье.

ДОЧЬ ВИНОГРАДНОЙ ЛОЗЫ—ЧАША С ВИНОМ

«Гей, пропойцы! Горлодеры!
Дети пьянства!—Слушайте!»
На базарном перекрестке
Слышен крик глашатая:
«Дочка грозди виноградной
Ночью скрылась. Слушайте!
Берегитесь! на свободе
Без меня—проклятая.
Берегитесь! В красном платье,
В пенной светлой шапочке
Где-то бродит эта кукла.
Берегитесь.—Слушайте!
Я за горечь убежавшей
Уплачу цукатами.
Кто беглянку скроет в доме,—
Будет проклят.—Слушайте!
Слушайте!
Она сверкает,
Ранит, кружит голову.
Кто найдет ее,—ведите
В дом Хафиза.
Слушайте!»

«На базаре слышен крик глашатая» («Дар сари базари джанбазан мунади микунанд»)!

Четырнадцатый век. Персия состоит из многих маленьких княжеств. У всех на устах имя Тамерлана, где-то проходящего по степям. Город Шираз окружен высокой глинобитной стеной. Сквозь пролом у северной башни в город втекает мелкая, но чистая речка Рукнабад. Навесы базарных перекрестков покрыты коврами и соломой. В полдень глашатай с деревянной трубой кричит городские новости: «Такой-то наказан палками. Такой-то казнен. Голова его у ворот. Кто видел беглого раба, щербатого, с отрезанным правым ухом—доставить во двор судьи. Слушайте».

Написанная в форме традиционного базарного объявления, эта газель Хафиза дала повод мусульманским комментаторам написать множество упражнений на тему о скрытом якобы смысле песни, об убежавшей виноградной лозе, которая превратилась в вино и странствует по миру в ярком платье и шапке из пены.

ПУТЕШЕСТВИЕ

Я просверлил жемчужину судьбы,
Как ювелир в молитве и посте,
Я корчился, вставая на дыбы,
Как червячок на шелковом листе.
Приди ко мне и руки принеси,
Как два стебля, покрытые росой,
Но у меня о боге не проси—
Я только карлик, пьяный и босой.
Вот и меня отметило тавро!—
Болит крестец, дрожит моя рука,
В моих усах пробилося серебро,
Меня ведут к могиле, как быка.
Меня наемни встретил мухтасиб.
Он приказал мне проповедь запеть.
— Нет, мухтасиб, пушок, летящий с лип,
Меня влечет в сады, а не в мечеть.
Я ухожу в развалины полей,
В беседы птиц и в города лесов,
Мне надоел галдеж учителей,
Я не люблю их гордых голосов.

Из-за травы степного рубежа
Блеснет конец размотанной чалмы.
Везде открылись знаки грабежа,
Везде лежат могильные холмы!

«И н дурри марджан». Это газель из «современного Хафиза», читаемого студентами «Дар-уль-Фу-нуна» в Тегеране. Она перекликается с классической газелью «Хаша ки маън дар моусими гуль». Вот эта газель: